

Андрей Ерпылев

ВЫХОД СИЛОЙ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2)
Е78

Ерпылев, А.

Е78 Выход силой / Ерпылев А. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 270 с.

ISBN 978-5-521-73709-3

«Выход силой» Андрея Ерпылева — по-настоящему захватывающий приключенческий роман с хитроумно закрученным сюжетом и живым, настоящим героем. Вещи, которые Ерпылев рассказывает о Московском метро в постъядерном мире, расширяют «Вселенную», делают ее еще более выпуклой, интересной, реальной. Герой — двадцатилетний Игорь Князев — откроет для нас те станции Метро, на которых мы еще никогда не бывали, и покажет нам удивительную Москву, которой мы не знаем!

BIC FL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-73709-3

© Андрей Ерпылев
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

В тесном закутке, которым заканчивался рукотворный туннель, и втроем было не разминуться. А набилось туда больше десятка мужчин в самодельных химкостюмах — латаных-перелатанных, обшитых на плечах и груди стальными пластинками. Разномастное воинство в оранжевых пластиковых касках производило жалкое впечатление. Но здесь, в тесном тупике с мокрыми от протечек стенами, это никого не смущало: все были настроены решительно.

Время от времени собравшиеся с опаской посматривали на треснувшие под собственной тяжестью бетонные плиты, нависавшие над их головами. Каждый понимал: в любой момент подпиравшие потолок деревянные столбы с привязанными к ним тросами могут переломиться, как спички.

— А ну, посторонись! — раздалось сзади.

Задевая прижавшихся к стенкам хода ополченцев, вперед пробиралась еще одна группа людей. Вот эти уже походили на военных: на них были пусть и потрепанные, но фабричного производства бронежилеты поверх стандартных армейских комбинезонов химзащиты. Обтянутые брезентом шлемы-сферы с плексигласовыми щитками-забрамами защищали головы. А главное, в руках, казавшихся неуклюжими из-за толстых перчаток, они сжимали не топоры, не заточенные прутья арматуры, а настоящее стрелковое оружие.

Не беда, что только у семерых были автоматы, а еще у четверых — карабины. Арбалет в умелых руках подчас убийнее огнестрельного оружия. К тому же он почти бесшумен, а

стрелу можно использовать снова. Если повезет, конечно, и будет, кому использовать.

— Куда прешь поперед батьки, крупа? Ваш номер шестнадцатый, вас вызовут, — добродушно пыхтел круглолицый здоровяк, прижимавший локтем к боку «Грозу» — причудливое на вид оружие, настоящую реликвию. — Сторонись, си-волапые. Мы вашего не прихапаем. Это наше дело — кровушку за вас, дармоедов проливать. А уж вы-то потом навалитесь — трофеи делить. Это вы всегда горазды. На это у вас губа винтом...

— Заткнись, Балагур, — толкнул его в спину ширококостный мужичище в шлеме с разлапистым двуглавым орлом — когда-то золотым, но теперь уже здорово потускневшим и подкопченным в боях. — Не время сейчас...

— Да это нервное, Батя, — обернулся тот, скаля зубы, через один железные.

— Нервы? У тебя? Не заливай.

— Ей-ей нервы, Батя!..

Наконец, отеснив в задние ряды ополченцев, вся ударная группа собралась в устье длинного, извилистого, как кишка гигантского животного, туннеля. Проход копали черт знает сколько времени. Десятки землекопов, работая в три смены, упрямо вгрызались в породу глубже, глубже... И вот день пришел.

Замыкающие отряд бойцы, вооруженные арбалетами и охотничьими ружьями, тащили дюралевые лесенки со стальными крючьями на концах. Раньше это был безобидный хозяйственный инвентарь. Теперь это настоящие штурмовые орудия.

— Надо же бойцов подбодрить, — шепнул Балагур боец на ухо предводителю. — Сейчас такое начаться может... Настроить их, понимаешь? Если наши дрогнут, то этих-то уж маро-

дерев, — он пренебрежительно кивнул в сторону переминавшихся с ноги на ногу ополченцев, — просто по стенкам размажет, икнуть не успеют.

— Ты это брось — мародеры, — сурово отрезал Батя. — Без них никуда. Ты что ли, офицер, будешь земельку лопатить?

— Не буду, — согласился Балагур. — У меня другая привилегия, Батя — в эту земельку лечь первым.

— Вот ты горазд заливать, — буркнул командир. — Забыл, что у нас все равны?

— Но одни равнее других, — снова заулыбался тот.

Батя знал, что последнее слово всегда остается за Балагуром, поэтому просто плюнул и не стал спорить.

— Ну, все готовы? — обернувшись, гаркнул он.

Ответом ему был разноголосый гул.

— Ну — добро. Много говорить не буду — все без меня знаете, — голос Бати был тверд, речь напоминала удары булыжником. — Кто сдрейфил, пусть лучше сейчас в сторону отойдет — другим не мешает. Там, — ткнул он пальцем в потолок. — Будет поздно. Все помехи устранять будем беспощадно. Понятно?

Гробовое молчание.

— А раз понятно, надеть противогазы. Ну, сынки... Давай! Раз-два, взяли!

По его сигналу тросы, закрепленные на держащих свод подпорках, натянулись, как струны.

— Раз-два, взяли!

Сначала ничего не происходило — неровно отесанные, кривые бревна крепежа казались вросшими в потолок. Но вот медленно, с мучительным скрипом, вершина одной из подпорок поехала по неровному бетону, дождем посыпались вниз песок и мелкие камушки. Доска, в которую она упиралась, с

грохотом рухнула вниз и часть свода сразу просела на полметра вниз. По каменному своду пробежала черная извилистая трещина. Зловонная капель превратилась в сплошной ливень.

— Потяни, мать вашу!

Но вторая подпорка и без помощи тросов уже лопалась по вертикали под многотонным, неподъемным для нее весом. Со стоном расщеплялись древесные волокна. Конструкция продержалась еще какие-то доли секунды, а потом все перекрытие разом рухнуло угловатыми бесформенными обломками, обдав людей водопадом брызг, шрапнелью бетонных осколков и потоком невозможного, почти осязаемого смрада, легко проникавшего сквозь фильтры противогазов.

Вместе с обломками с потолка рухнула вниз белесая щетинистая тварь размером с человека. Оскалив клыки в палец длиной, она дико зашипела и метнулась вперед. Загрохотали автоматы, невозможно громкие в этих тесных лазах, сметая мерзкую тварь свинцом, разрывая ее на части.

А Батя уже карабкался с ловкостью заправского альпиниста вверх по каменной насыпи, оцетинившейся ржавой арматурой. Теперь не было времени на то, чтобы раздавать команды, но и нужды такой не было: бойцы действительно были отборные, и теперь действовали сами — слаженно, как один организм. Рядом с командиром двигался Балагур — подставляя то руку, то плечо. За жожаками шли остальные, устанавливая и крепя дюралевые штурмовые лестницы. Ополченцы пойдут последними — но, может статься, что благодаря им сражение и будет выиграно. Там, наверху, не будет лишней ни одна пара рук, ни один клинок, даже если этот клинок — самodelка, неумелая пародия на оружие...

Образовавшаяся от обрушения свода насыпь, еще зыбкая, оползала вниз, навстречу атакующим. А по скользким бокам обвалившихся сверху глыб и бетонных обломков пошла на

приступ вторая человеческая волна. Люди карабкались упорно, зло, уминали сапогами в грязь тушу убитой твари, царапались о рваные бока искрошенных плит, ежесекундно рискуя соскользнуть вниз, напороться на гнилые клыки арматуры...

Наверху, на территории бывшего торгового центра, уже кипел бой, яростный и беспощадный. Ударная группа, рассыпавшись на четыре части, первым делом расчистила пространство вокруг лаза. И теперь каждая из команд теснила все дальше от прохода белесых, покрытых щетиной мутантов, ошеломленных неожиданным нападением. Твари пытались сопротивляться — тщетно, и гибли под стрелами и клинками атакующих. Жители метро, выходцы из голодной Преисподней, патроны берегли. Сейчас, когда освоились, действовали в основном холодным оружием. Выстрелов почти не было слышно, и бой выходил страшный, негромкий — в воздухе стояло только сосредоточенное мясницкое хканье, перемежающееся предсмертным хрипом и сипением нежити, застигнутой врасплох в своем собственном логове.

Безмозглые твари не могли дать подготовленным дисциплинированным Батиным бойцам достойный отпор. Но продвигаться вперед через лабиринт полок и стеллажей было все равно непросто.

Северный отряд оказался отрезан от своих отчаянной контратакой разномастных тварей, прорвавшихся через узкий проход между стеллажами. Теперь он отчаянно сражался в сплошном кольце разъяренных мутантов. Уроды яростно теснили атакующих со всех сторон, норовили проползти по сплошной мешанине изувеченных тел под ногами дерущихся, сыпались сверху, с полок вместе с какими-то древними товарами, покрытыми пылью и плесенью. Упал один боец, пошатнулся другой... На миг показалось, что еще чуть-чуть — и отряд будет поглощен живой массой, поглощен и тут же сожран.

И тут сразу с двух противоположных сторон огромного помещения прогремели взрывы, и в образовавшиеся широкие проломы хлынули новые силы: подошло подкрепление!

Оказавшихся меж двух огней тварей охватила паника. Забыв о сопротивлении, мутанты беспорядочно метались по торговому залу, а тиски облавы сжимались, сдавливали их все теснее, не оставляя им места, не оставляя им времени... Теперь твари просто пытались выжить.

Странные это были создания. Вроде бы звери — может быть, даже млекопитающие, хотя дьявол их разберет, как они там своих детенышей выкармливают, даже и думать об этом мерзко — а живут вместе подобием пчелиного улья. Слиплись в каком-то жутковатом симбиозе, хотя принадлежат к разным видам. Вот, заполонили это торгово-развлекательный центр, набились в другие окрестные здания, обживают, что-то тут свое наворотили тошнотворное... А все равно — тупые, как жуки. Для настоящей эволюции пары десятилетий маловато. Атом перемешал им гены, перетряхнул, непонятно уже, из кого они такие получились...

Причудливые существа делились на воинов и охотников, добывающих для всех остальных пищу, рабочих, создающих комфорт в жилище, и маток, плодивших многочисленное потомство. Но не было в них муравьиной жестокости и муравьиного самоотречения. Ведь если надо подохнуть на пороге своего жилища, чтобы враг не прошел, муравей-солдат не станет сомневаться, и трусить он не умеет. Одному голову враги откусят — тут же другой его место займет. Муравьи — они как Александр Матросов, им не страшно. А этим тварям было страшно. Не разучились они бояться за свою шкуру...

Дрогнули. Побежали, поползли во все стороны, разлетелись. Стали протискиваться в свои норы, схроны, лишь бы уберечься, лишь бы выжить.

А люди все равно настигали их и рубили, кололи, били чем попало, сбивали на лету заточками и топтали ногами.

— Огнеметчики, вперед! — загудел бас Бати, усиленный мегафоном.

Полетело эхо. Просевшая крыша и замшелые стены старинного торгового центра — сколько уже времени стоят! — повторили Батин приказ.

Огненные щупальца огнеметов протянулись в самые темные углы, в потайные ходы здания. Истошный крик и визг существ, сгорающих заживо, заглушил все остальные звуки, а волна тошнотворного запаха горящей плоти в одно мгновение перебила зловоние звериного логова...

Вскоре все было кончено. Бойцы и ополченцы, разбившись на группы и прикрывая друг друга, разошлись по закуткам огромного помещения. Черновая работа закончилась, но теперь нужно было убедиться, что враг повергнут окончательно, добить наиболее живучих и выкурить из логова самых осторожных. Никакого примирения между человеком и переродившейся кошмарной природой быть не могло. Господи, да такие чудища не снились даже Босху с Дали! Пойди с ними примиришься... Нет, тут или мы, или они. Без вариантов.

На этот раз — мы.

Бой был окончен, логово врага захвачено, и теперь его можно было разграбить. Тут ополченцы и пригодились, точно как предсказывал Балагур. За добычей сюда и шли, ради нее шеей и рисковали. Ничего нового, еще Александр Македонский отдавал поверженный город своим солдатам на разграбление. Все в порядке вещей. Такая экономика.

Уже тянулись к лазам и проходам, пробитым в стенах, вереницы тяжело нагруженных всем, что попало под руку, людей, а впереди был еще непочатый край работы. Ночью в руины торгово-развлекательного центра полезут новые за-

хватчики — природа не терпит пустоты. А с ночными обитателями сражаться — так себе развлечение. Времени оставалось немного, надо было поторапливаться.

— Первым делом продукты и инструменты! — деловито инструктировал Балагур, сплошь залитый чужой кровью, как славно поработавший мясник. — Куда телевизор прешь, деревня? На кой он тебе сдался? Брось и возьми что-нибудь полезное.

— Оставь их, Серый, — Батя присел на какой-то полусгнивший ящик, предварительно убедившись в его прочности, устало стащил с головы шлем-сферу, вытер замызганным платком квадратное багровое лицо и обширную лысину.

Седой ежик, окаймляющий ее, был мокрым от пота, а крупные капли стекали по изборожденным морщинами и старыми шрамами щекам, падая на забрызганный кровью бронежилет и грязный пол.

— Пусть волокут, коли охота, — махнул рукой он. — Работать не будут, так наши умельцы чего-нибудь сварганят из этого хлама. Помнишь, как микроволновки приспособили?

— Да помню я... Только по-любому сперва надо полезное эвакуировать, а уж потом, если обстановка позволит — все остальное. Ты, как хочешь, а я своих ребят, чтобы ночью оборонять все это, — он широко обвел рукой ряды заросших колючим черным вьюном стеллажей. — Не дам. И не проси.

— Ну, положим, — командир растянул в улыбке обезображенный шрамом рот. — Просить я не буду. Прикажу, и дашь, как миленький. Не спорь, Серега, — осадил он вскинувшегося было подчиненного. — Дашь. И не просто дашь, а сам с ними пойдешь. Пойдешь ведь?

— Пойду, — мрачно буркнул боец и плюхнулся рядом с Батей прямо на заваленный обломками аппаратуры пол, подогнув по-турецки ноги. — Куда я нахрен денусь... Хлеб-